

I.

ПИНЧЕВЪ И МИНЧЕВЪ.

Пинчевъ и Минчевъ.

Изъ оконъ отрепаннаго, довольно таки неопрятнаго, дома кушца Маркуса Йоллеса, пелось безпорядочныя взвизгиванья и завыванья, пелось и терялись въ царившей вокругъ вечерней тишинѣ, воздухъ которой до степени снотворности былъ пропитанъ ароматомъ розъ и кустовъ малины. Въ этихъ взвизгахъ, въ этихъ завываніяхъ трудно было бы отличить звуки инструментовъ и человѣческихъ голосовъ — до такой степени вмѣстѣ взятые они являли собою невозможный хаосъ въ родѣ того, который слышится на какой нибудь галиційской ярмарочной площади.

Двѣ скрипки визжали такъ пронзительно и безтолково, словно то были бѣднякъ еврей, и еще того болѣе бѣднякъ мужиченко, спорящіе и торгующіеся изъ за пары старыхъ башмаковъ съ ожесточеніемъ добраго и злаго духа препирающихся изъ за какой нибудь грѣшной души; безпорядочные звуки эти пелось какъ бричка по галиційской дорогѣ, то влѣзая вверхъ, то падая въ глубокую яму. Вмѣстѣ со скрипками, словно старикъ ворчунъ полицейскій, хрипло ворчалъ контрабасъ

и раздвигались жалобные, плачущіе звуки цимбалъ и разстроенной флейты — послѣдняя пара, напоминающая собою крестьянскую дѣвушку, убаюкивающую грустной пѣсней расплаковавшагося ребенка.

Въ большой комнатѣ, низкой до такой степени, что казалось потолокъ ей опирается на головы присутствующихъ, танцовали длиннобородые мужчины, облеченные въ длиннополые кафтаны и женщины, щеголяющія своими, украшенными жемчугомъ, головными перевязями и мѣховыми коцавейками; танцы эти шли такъ: кафтаны танцовали съ кафтанами, а коцавейки съ коцавейками. Все это вмѣстѣ взятое — еврейская свадьба. Невѣста сидитъ на какомъ то подобіи трона и грызетъ печенье, принадлежащее повидимому къ разряду окаменѣлостей, женихъ же, въ своемъ шелковомъ таларѣ, и собольей шапочкѣ, стоитъ наружи, близъ дома, увлеченный въ горячій споръ съ другимъ мужчиной, одѣтымъ въ лповый кафтанъ. Играетъ ли въ этомъ спорѣ роль какой нибудь вопросъ чести, договариваются ли спорящіе насчетъ какой нибудь торговой сдѣлки — въ первую минуту понять не возможно: одинъ изъ нихъ такъ суетится, такъ волнуется и кричитъ такъ неистово, словно ему предстоитъ довести свои слова до свѣдѣнія не одного собесѣдника а цѣлаго многочисленнаго собранія. О чемъ же спорятъ они?

Вопросы Талмуда служатъ предметомъ состязанія.

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Женихъ, по имени Пинчевъ, только что прочелъ гостямъ, тамъ, въ комнатѣ, прекрасную лекцію по вопро-

самъ Талмуда; гости, вполне удовлетворенные и лекціей и медомъ, который они попиwali, молча выслушали все сказанное, но между ними нашелся одинъ, именно Минчевъ, начавшій возражать; онъ утверждалъ, что ни въ Талмудѣ, ни въ Торѣ, *) словомъ нигдѣ не предписаны евреямъ публичныя совершенія молитвы, въ школахъ же таковыя введены въ употребленіе только раввинами позднѣйшихъ поколѣній, а потому и нѣтъ надобности, чтобы всякій благочестивый еврей предавался молитвѣ въ публичныхъ, и еще не для этой цѣли устроенныхъ, помѣщеніяхъ. Изъ этого возникъ споръ; Пинчевъ и Минчевъ спорили по началу за столомъ, потомъ перешли спорить въ танцевальный залъ, наконецъ переселились на улицу, чтобъ здѣсь на вольномъ воздухѣ продолжать свой учено-религіозный диспутъ.

Пинчевъ, длинная, тощая фигура, съ фізіономіей усѣянной веснушками на подобіе нестраго яйца куропатки, съ носомъ въ видѣ крохотной губки приклеенной надъ губами, съ блѣдно-голубыми глазами, которые постоянно шурились какъ будто они однажды на всегда подверглись дѣйствию слишкомъ яркаго свѣта, спорилъ такъ, какъ спорить человѣкъ горячаго темперамента; очевидно въ груди Пинчева таилось такъ много неугасимаго огня, какъ много сверкало его съ ярко рыжей головы Талмудиста и съ узенькихъ рыжихъ полосокъ, на подобіе пламенныхъ языковъ

*) Примѣч. Тора еврейская священная исторія матерьяла, обработанный христіанскимъ ученіемъ въ Библію.

охватывавшихъ его подбородокъ. Онъ былъ не болѣе какъ женскій портной, но говорилъ онъ внятно, побѣдительно, какъ генераль прпвыкшій командовать солдатами и потому не терпящій возраженій. При первомъ же возраженіи онъ входилъ въ такой азартъ, что казалось готовъ былъ растерзать своего противника — на самомъ дѣлѣ Пинчевъ не былъ способенъ обидѣть муху — и слова слетами съ его устъ цѣлымъ пчелинымъ роемъ.

Минчевъ представлялъ собою совершенную противоположность Пинчеву. Онъ рѣдко говорилъ съ людьми, не имѣя къ тому случая, такъ какъ большую часть времени проводилъ въ лошадиномъ обществѣ — онъ былъ, пользовавшійся популярностью, хорошій извозчикъ; правда онъ вступалъ иногда въ краткія бѣсѣды, съ лошадьми но тѣ обыкновенно въ отвѣтъ на его рѣчь либо встряхивали ушами, либо помахивали хвостами, въ самомъ крайнемъ случаѣ ржали сколь возможно дружелюбнѣе. Въ результатѣ Минчевъ привыкъ относиться къ человѣческому слову какъ скупецъ къ золоту; слово было въ его глазахъ драгоценностью и выпускалъ онъ его изъ устъ съ осторожностью лишь по зрѣломъ обсужденіи. Во всемъ остальномъ Минчевъ также контрастировалъ съ Пинчевымъ; въ разговорѣ онъ не суетился; руками и ногами онъ говорилъ еще меньше чѣмъ ртомъ; въ сущности больше всего, и чаще остальныхъ органовъ говорилъ его глаза, сидѣвшіе на темномъ, загорѣломъ какъ лакированная кожа лицѣ, по обѣ стороны огромнаго носа, снабженнаго на-

подобіе турецкаго сѣдла выдающейся горбиной; глаза эти, большіе, черные, то совсѣмъ открытые съ выраженіемъ задумчивости, то насмѣшливо прищуренные, то печальные, и какъ бы сожалѣющіе того, съ кѣмъ они спорили, производили впечатлѣніе чего то идущаго отъ сердца, и въ особенности если они смѣялись, что случалось довольно часто. Движеніе Минчевъ практиковалъ среди спора только одно: отъ поры до времени онъ гладилъ рукою свои черные волосы спереди назадъ. Небыло въ немъ и довольно обычнаго евреямъ выраженія нѣкоторой робости и услужливости; напротивъ: онъ выглядывалъ человѣкомъ гордымъ, но только проявленіе этой гордости лежало не въ признаніи себя лучше другихъ, а просто крылось въ томъ, какъ держалась вся фигура Минчева, фигура приземистая, сильная, имѣющая въ себѣ что то солдатское, хотя онъ никогда въ жизни не таскалъ за спиной солдатскаго ранца а къ огнестрѣльному оружію шталъ общую всѣмъ евреямъ антияпату.

И вотъ Пинчевъ съ Минчевымъ диспутировали по вопросамъ Талмудическаго свойства; правильнѣе будетъ, если мы скажемъ, что спорилъ, диспутировалъ, наскакывая на своего противника только Пинчевъ, Минчевъ же такъ сказать наступалъ пяткою на горящіе угли, отчего отъ нихъ все вновь и вновь поднималось пламя. Изъ комнатъ кто то вышелъ, посмотрѣлъ на спорящихъ, покачалъ головою въ недоумѣніи и, видя, что диспутъ еще не конченъ, снова возвратился въ домъ. Диспутанты даже и не замѣтили этого.

— Развѣ ты знаешь Талмудъ? — неистово кричалъ Пинчевъ. — Вѣдь ты незнаешь его! Я такъ думаю, что незнаешь, и что мнѣ совсѣмъ не пристало спорить съ такимъ какъ ты неучемъ. Если я и говорю съ тобой, такъ потому только, что мнѣ хочется просвѣтить твою зачерствелую душу. Талмудъ гласитъ, что молитва есть наша священная обязанность! Талмудъ доказываетъ это въ трактатѣ Оваритъ, *) доказываетъ ссылаясь на Моисея... 2-ая книга, 23, 25... Тамъ сказано: «во вѣки должны вы служить Господу». И еще сказано у Моисея же (книга 5-ая, 11, 3.): «ему,» то есть Іеговѣ, «должны служить вы отъ всего сердца». Спрашивается теперь: какъ-же должны: мы, Евреи, служить нашему Господу? Отвѣтъ молитвою! Значитъ молитва, какъ богослуженіе установлено самимъ Моисеемъ.

Минчевъ улыбнулся глазами.

— Мы говоримъ вовсе не о молитвѣ вообще, а о молитвѣ въ школѣ. Ну, да это все равно! Я отвѣчу на вопросъ, какъ ты возбудилъ его сейчасъ. Моисей вовсе не устанавливалъ молитвы.

— Не устанавливалъ молитвы? — И Пинчевъ, поднявъ къ верху руки, сдѣлалъ прыжокъ достойный козла приведеннаго въ ярость.

— И вообще молитва не есть служеніе Господу! — закончилъ споконнымъ голосомъ Минчевъ.

— Не есть служеніе Господу?

*) Примѣч. Трактатъ Оваритъ—одинъ изъ отдѣловъ еврейскаго вѣроученія.

— Нѣтъ! — И Минчевъ улыбнулся. — И даже было бы нелѣпостью понимать молитву какъ служеніе Господу. Всякое служеніе, служба, есть нѣчто такое, что исполняетъ одинъ за другаго; служить значитъ дѣлать то, что долженъ бы дѣлать другой, но что этотъ другой препоручаетъ за себя исполнять или потому, что онъ не можетъ, или потому, что не хочетъ этого. Вѣдь такъ?

Пинчевъ молча кивнулъ головой.

— Значитъ если считать молитву службой Іеговы, то выходитъ потвоему, что Іегова долженъ былъ бы самъ молиться, но это поручено намъ Евреямъ, которые и исполняютъ эту обязанность за другаго, исполняютъ такъ, какъ этотъ другой не можетъ, или не хочетъ, молиться. Развѣ жь это не вздоръ?

— Вздоръ? — заненствовалъ Пинчевъ. — Такъ что же по твоему: И Талмудъ вздоръ? И Тора тоже вздоръ? Не оселъ ли ты послѣ этого?

Въ эту минуту изъ двери дома высунулась голова и жиденькій голосъ на подобіе овечьяго блеянія пропѣлъ слѣдующую строфу:

«Скорѣй бы хотѣлъ я за плугомъ ходить,
«Скорѣй согласился бы нищимъ я быть,
«Чѣмъ спорить о дѣлѣ у самыхъ оконъ!
«Кто-жъ дѣло таскаетъ на улицу вонъ?

Довольный этой игривой импровизаціей похощій скрылся обратно въ домъ, но спорящіе не обратили на него ни малѣйшаго вниманія.

— А кто же сказалъ тебѣ, что Іегова не мо-

лится?—торжествующимъ голосомъ спросилъ своего собесѣдника Пинчевъ.

— Кому же онъ будетъ молится?—съиронизировалъ Минчевъ.—Значитъ себѣ самому?

— Конечно, онъ молится самому себѣ!

— Докажи-ка мнѣ это Пинчевъ.

— Нѣтъ ничего легче.

— Ну однако?

— Знаешь ты Талмудъ?—торжественно началъ Пинчевъ, заложивъ за поясъ большіе пальцы обѣихъ рукъ, и похлопывая остальными по животу при всякомъ знакѣ прерываніи всей послѣдующей рѣчи. — Ты его конечно не знаешь! А Талмудъ между прочимъ и гласитъ именно, что Іегова молится; гласитъ это и это до-ка-зы-ва-етъ!

Минчевъ проницески улыбнулся.

— Талмудъ доказываетъ, это въ трактатѣ Берахоль... *) Ты и думаю даже и не слышалъ о существованіи такого трактата милѣйшій мой Минчевъ!.. Такъ вотъ въ этомъ именно трактатѣ доказывается, что Іегова молится; доказывается на основаніи пророка Ісайи. Тамъ сказано (Ісайя 55. 7.): «и приведѣ ихъ на мою священную гору и да возрадуются они *въ моемъ* молитвенномъ домѣ».

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ?

— Понимаешь ты? Сказано: въ *моемъ* молитвенномъ домѣ! Не сказано же напр. въ *вашемъ*, или въ *ихнемъ* молитвенномъ домѣ.

*) Примѣч. Трактатъ Берахоль—одинъ изъ отдѣловъ еврейскаго вѣроученія.